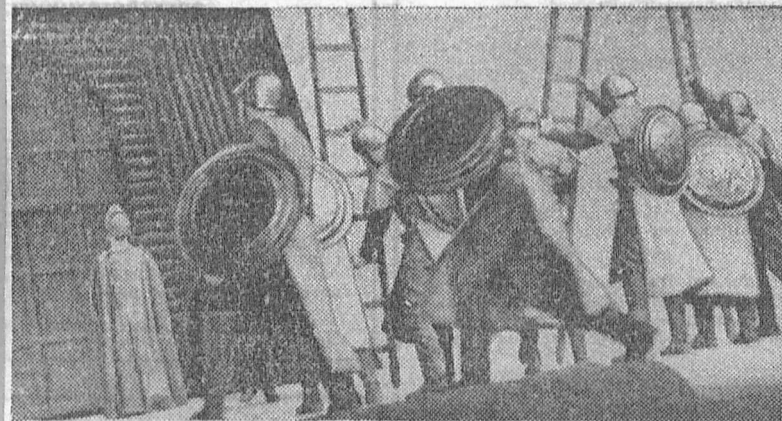

✓ "Вечерний Ленинград" 19 сентября 1968?

ГАСТРОЛИ ТЕАТРА «БЕРЛИНЕР АНСАМБЛЬ»

ИСКУССТВО, ЗОВУЩЕЕ К БОРЬБЕ

ной, белокаменные ворота. Масивные и все-таки кажущиеся легкими на фоне нейтральной кремово-серой сферы, замыкающей сценическое пространство. Эти ворота ведут в Рим (а для Кориолана — из Рима). Но развернется круг, и контрастом режет взор черная бревенчатая кладка ворот Кориолы — столицы польскок. Впервые Кай Марций возьмет их штурмом и будет увенчан почетным прозвищем Кориолана, вторично пойдет (нет, пропикнет) в них изгнанником и изменником и обретет нежность соотечественников. Предельно лаконичные декорации созданы Карлом фон Анлепом как будто для трагедии.

Но театр трагедию не играет, он развиртывает хронику истории. Напрасно стали бы мы ожидать очищающего духа потрясения, неотъемлемого от трагедии. Оно не произойдет — и не потому, разумеется, что спектакль плохо поставлен или неточно сыгран. Театр преследовал иную цель и осуществил ее в полной мере. Создатели спектак-

ля (режиссура Манфреда Векверта и Иохима Тешшера) подробно и всесторонне исследуют социальные процессы; судьба личности (Кориолана — в данном случае) становится лишь элементом исследования и аргументом конечных выводов.

Кориолан погиб, но жизнь продолжается в обычном ритме. Идет заседание сената, будничное, казодневное; из очередной бумаги явствует, что был спаситель и недавний грозный враг Рима мертв. Кто-то предлагает почтить его память — ведь были у него заслуги. Кто-то возражает. Предложение отклонено. Следующая бумага, следующий вопрос...

И парод, и его избранныки-трибуны здесь иные, печаль у Шекспира. Пусть писбен, облаченные в воинские доспехи, и перекрывают лязг мечей единодушным грозновосторженным скандированием имени вождя; сбросив доспехи, они врываются к горьким мыслям о хлеме насущном, и тогда зыбкой, но единой массой противостанут Ко-

риолану. И Кориолан со всей своей энергией, честолюбием и твердостью расшибется о подавляющую на первый взгляд, но внутренне спаянную общностью бед и надежд массу.

Эккехард Шалль начисто лишает Кориолана трагического величия. Герой Шекспира велик в своих страстях и деяниях даже преступных. Герой Шалля мелок даже тогда, когда велики его деяния. Шекспировский Кориолан мог вызывать ужас; сценический Кориолан — только впускать страх. Гордыня выродилась у него в высокомерие, ярость — в злобу. Шекспировский Кориолан единствен и неповторим, герой Шалля — лишь один из длинной веренища кориоланов разных времен и народов.

Есть, конечно, идейная и художественная закономерность в том, что в следующий вечер мы увидели Шалля в спектакле «Карьера Артура Уи, который могло не быть» в роли Артура Уи: ведь его Кориолан носил не только тогу консула, но и черную рубаху, так похожую на форму штурмовика, и чувствовал себя в ней, пожалуй, даже более органично. Нам, привыкшим к тому, как играет Артур Уи в Большом драматическом театре Евгений Лебедев, виденным в этой роли Тадеуша Ломиньского, потребовалось известное время, чтобы принять трактовку Шалля, «правила игры», установленные режиссерами Манфредом Веквертом и Петером Паличем. Но с первой же минуты ясно:

то, что делается на сцене, делается блистательно. Трагический багаж гитлеровского «третьего рейха» воссоздан театром с неслыханным сарказмом. И в то же время он мрачен — как мрачна эта страшная страница истории.

Спектакли «Берлинер ансамбля» вызывают к раздумью. Чувство здесь — производное от мысли. Но подчас жесткая строгость конструкции выплывает экспрессивной мизансценой, непосредственной силой воздействия актерского таланта, и именно тогда, думается, искусство театра оказывается нам особенно близким.

Едва ли споры о Брехте утихнут после гастролей созданного им театра. Пожалуй, напротив, они дадут обильный материал для раздумий о путях современного искусства, о будущем публицистического, политического театра, о взаимоотношении эмоционального и рационального в искусстве, прежде всего — в искусстве актера. Спектакли «Берлинер ансамбля» поучительны и безукоризненны сценической культурой, и специфичностью игры актеров, и принципиальными особенностями режиссерских трактовок.

Коллектив, объединенный пекотом Бертальтом Брехтом, продолжает его дело, создавая искусство политически активное, зовущее к борьбе за счастливое завтра человечества.

В. САХНОВСКИЙ-ПАНКЕЕВ

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Кориолан».

Фото А. СТЕЛЬМАХА